

Маркова Татьяна Дамировна

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В СЛАВЯНО-РУССКОМ ПРОЛОГЕ XVI ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/55.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 154-157. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Главные содержательные синтаксические особенности вытекают из самой непринужденной, недостаточно подготовленной и продуманной литературно-разговорной речи, которая с одной стороны, отличается некоторой неоднородностью структуры, повторами, и т.п., а с другой стороны - некоторой степенью недосказанности, ограниченности языкового репертуара, поскольку все это компенсируется обстановкой высказывания.

Противоположные тенденции, а именно: стремление говорящих к избыточности и компрессии к импровизации и т.п., скорее всего являются полярными, экстремальными параметрами. В реальных коммуникативных актах они не всегда четко прослеживаются: между ними проявляется целый набор промежуточных образований, а тенденции к избыточности и компрессии существуют в рамках одного и того же дискурса.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. Ладыженская Б. Я. Особенности организации устной спонтанной речи: автореф. М., 1985.
3. Carrel O. Toward a performance grammar. Lnd., 1981.
4. Goodwin Ch. Conversational organization interaction between speakers and hearers. N.Y., 1981.
5. Lakoff R. L. Psychoanalytic discourse and ordinary conversation. Wash., 1983.

УДК 81'366.587

Татьяна Дамировна Маркова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В СЛАВЯНО-РУССКОМ ПРОЛОГЕ XVI ВЕКА[©]

Христианство открыло Руси, по слову митрополита Иллариона, мир *Пакибытия* во всей его полноте - мир Божественной Вечности. Вечность - «... это не бесконечность времени, а совсем другая реальность» [5, с. 30]. Если Вечность – это не другое ощущение времени, а другая реальность, то попытки достичь понимания Вечности не могли не отразиться в языковой модальности. Тем более, что эта иная реальность нерукотворная, Реальность Надмирного Творца: «То Царство, в котором свершает себя Литургия, - это «Царство Отца и Сына и Святаго Духа» (именно с этих слов начинается православная Литургия). У входа в это Царство, в самом начале Литургии, <...> диакон тихо говорит священнику: «Время сотворити Господеви»... Время, когда творит Бог... Мы входим в нерукотворную Реальность» [2, с. 349]. Модальность прежде всего выражается формами глагольных наклонений. Рассмотрим одно из них – императив – на материале славяно-русского Пролога 16 века (исследуемый памятник хранится в Фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского).

Пролог уникален как в аспекте языка, так и в аспекте жанрового состава: одной своей стороной он обращён в прошлое – в повествование, а другой стороной – в будущее, туда, где ожидается совершение, исполнение того, чему учит назидательная часть этой книги [3, с. 40]. Неслучайно поэтому то, что в Прологе очень активен глагол во всех своих временных и модальных формах. У каждого повествовательного фрагмента Пролога, кроме темы, есть и сверхзадача - мотивировать читателя или слушателя сделать креативный шаг в будущее, сотворить новое будущее, помня при этом опыт прошлого. В этом смысле Пролог отражает закреплённый в языке вектор приложения творческой силы этноса – от прошлого через настоящее в будущее, причём с подчёркнутой императивностью. Аппеллятивность не только собственно учительных, но и житийных, повествовательных фрагментов Пролога отличает последние от просто агиографических описаний-образцов [Там же, с. 42]. Это неудивительно: сопоставление различных редакций Пролога позволяет сделать вывод о том, что хронологически первыми в этой книге были как раз учительные тексты, а житийные добавлялись позднее, причём первоначально они были отделены от повествовательных, составляли своеобразное приложение [Там же, с. 50]. Исследователи подчёркивают особое место, занимаемое Прологом в древнерусской культуре, обусловленное актуализированной назидательностью этой книги. Если первоначально в Пролог включались только агиографические отрывки, а учительные фрагменты при этом входили в своеобразное приложение, то впоследствии социальная роль Пролога конкретизируется: фрагменты книги, имеющие воспитательный и наставительный характер, оказываются рассредоточенными по дням года так же, как и фрагменты житийного характера, а последние получают подчёркнутую воспитательно-назидательную направленность. Достаточно быстро выйдя из церковного употребления, Пролог стал неотъемлемой частью домашнего и келейного досуга - книгой, более популярной, чем Синаксарь в Византии [Там же, с. 51]. Назидательность Пролога стала его наиболее яркой коммуникативно-целевой установкой [1, с. 294; 6, с. 357].

Части Пролога названы разнообразно: слово, беседа, поучение, память и т.д. Но все они укладываются, как уже было сказано, в два коммуникативных модуля: повествовательный и назидательный. Между ними имеется диффузный по коммуникативной установке жанр – слово. Слово может содержать в себе как изложение событий (повествование), так и назидание, поучение, апеллятив. Текст-поучение организован императивом, вместе с которым функционируют также и формы настоящего времени. Они обуславливают особую тональность текста. Императив и семантически модифицированные формы настоящего времени управляют сознанием читателя, меняют те или иные параметры восприятия жизни. Императивные формы в подобных фрагментах являются ключевыми и активно влияют на семантику всех единиц текста, особенно глагольных. Последние в свою очередь являются, как правило, формами настоящего (будущего) времени. В их семантике имеет место сдвиг: они начинают обозначать не столько факт, реальное действие, сколько пожелание, призыв, обетование.

Типичный пример текста-поучения - **ПОУЧЕНИЕ ЭТОГО КЛИМЕНТА НА ПРЕВРАЩЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИНОУСА ХРИСТА** - открывается синтетической формой императива 2 лица множественного числа: **ПОСЛУШАЙТЕ БРАТИЕ**. По семантике это призыв автора к читателям, слушателям. Кроме того, это мотивация, формулировка коммуникативной установки автора. Далее в структуру текста вводится довольно продолжительный фрагмент иного жанра - повествование о явлении Христа ученикам. Пространство этого отрывка структурируется в основном аористом, также другими глагольными формами (имперфектом, перфектом, плюсквамперфектом), но не императивом, так как цель текста-повествования – рассказ о событиях. И, наконец, автор вновь возвращается к поучению. Эта часть текста начинается с синтетической формы императива 2 лица множественного числа (**ПОСЛУШАЙТЕ**). По семантике данная форма синкретична - это и повеление Бога ученикам Христовым, и императивная установка, адресованная читателю. Затем по ходу текста наблюдается *интерференция* апеллятивных воздействующих «*потоков*» за счет пересечения прямой речи говорящего и речи Бога, цитируемой автором. В аспекте функционирования глагольных форм это выражено при помощи следующего чередования:

1) призыв автора к совместному действию с читателями, слушателями находит выражение в форме 1 лица множественного числа простого будущего времени (**НЕ ЛЪНИМОА НО СЪХРАНИМОА**);

2) *пожелание, призыв Христа к ученикам - в аналитической форме императива, образованной сочетанием спрягаемого глагола во 2 лице множественного числа с частицей ДА (ДА ЛЮБИТЕ ДРУГЪ ДРУГА)*; *идущие далее 2 аналитические формы императива, образованные сочетанием спрягаемого глагола в 1 лице единственного числа с частицей ДА, эксплицируют нетипичное для императива значение - обещание Христа, обоснование ранее провозглашенного призыва (ДА НАСЫЩУ; ДА ШЕЛЕСКО)*;

3) наставление автора читателям, слушателям - в синтетической форме императива 2 лица множественного числа (**НЕ ШТАГЪЧИТЕ СРДЦЪ ВАШИХ**); пожелание автора, которое относится и к читателям, слушателям, и к самому говорящему, с оттенком призыва и обоснования, находит выражение в форме 1 лица множественного числа простого будущего времени (**НЕ ТЪМЪ БО ДАСМЪ НО СЪМОМОУ ХРИСТУ БОГОУ НАШЕМОУ; ПОТЩИМОА НА ПОКАИНИЕ**); призыв автора с компонентом обоснования, обещания - в форме 3 лица единственного числа простого будущего времени (**ОУЖЕ БО НЕ БОУДЕТЬ ЛЗЪ...**); призыв автора к совместному действию с читателями, слушателями - в аналитической форме императива, образованной сочетанием спрягаемого глагола во 2 лице множественного числа с частицей ДА (**ДА ПОТЩИМОА ПРЕЖЕ СМЕРТНАГО ВРЕМЕНИ ГОТОВИ БЫТИ**); последующая аналитическая форма императива, образованная сочетанием спрягаемого глагола в 3 лице единственного числа с частицей ДА, передает пожелания автора читателям, слушателям с оттенком обоснования (**ДА И К НАМЪ РЪЧЕТЪ ГОСПОДЪ**);

4) обещание Бога находит выражение в форме 1 лица единственного числа простого будущего времени (**НАДО ИНОГИИ ТЪ ПОСТАВЛЮ**); повеление Бога - в синтетической форме императива 2 лица единственного числа (**ВНИДИ В РАДОСТЬ ГОСПОДА СВОЕГО**).

Таким образом, в тексте *прослеживается определенная цикличность во введении в пространство текста грамматических форм, реализующих особые смыслы. По форме* наблюдается следующее чередование: синтетическая форма императива —> 1 лицо множественного числа будущего простого времени —> аналитическая форма императива ~> синтетическая форма императива —> 1 лицо множественного числа будущего простого времени —> 3 лицо единственного числа будущего простого времени —> аналитическая форма императива ~> 1 лицо единственного числа будущего простого времени -> синтетическая форма императива. **По семантике** представленная выше цепочка форм выглядит следующим образом: повеление Бога ученикам —> призыв автора к совместному действию с читателями, слушателями -> пожелание Христа ученикам —> повеление автора читателям, слушателям -> пожелание автора читателям, слушателям с оттенком обоснования, обещания —> призыв автора к совместному действию с читателями, слушателями —> обещание Бога —> повеление Бога.

Так, жанр поучения особым образом структурирует семантику и композицию введения глагольных форм. Упорядоченность поучительного текста меняет *качество* связи между его содержанием и средствами выражения этого содержания: устанавливается особая, доверительная, эмоционально насыщенная связь между автором и читателем, слушателем текста. Императив в поучении занимает ключевую позицию: высокая частотность его употребления, кроме основных значений, свойственных формам повелительного наклонения, могут появляться и дополнительные оттенки - обещание, обоснование.

Формам императива в тексте поучения сопутствуют формы простого будущего времени, в которых под воздействием семантики форм повелительного наклонения начинает также активизироваться императивная семантика: призыв, пожелание, обоснование, обещание. Подобные случаи отмечены и С. Д. Никифоровым [4, с. 165]. Актуализация тех или иных семантических оттенков глагольных форм обусловлена стилем и жанром текста, что отчетливо видно на примере рассмотренного фрагмента.

Жанр Слова является по своей коммуникативной установке диффузным: он может содержать в себе как изложение событий (повествование), так и назидание, поучение, апеллятив. Поэтому фрагменты Пролога, созданные в жанре Слова, не имеют стандартной (прогнозируемой, заданной) композиции, в отличие от жанра Поучения.

В соответствии с задачей Слова в нём по-разному используются глагольные формы. Так, например, в «Слове о святом Аполинарии», явно повествовательного характера, отмечается более 40 случаев употребления аориста, несколько имперфектных и даже перфектных и плюсквамперфектных форм и только 5 случаев использования императива. При этом все эти формы входят в состав прямой речи героев, то есть открытого воздействия на читателя, слушателя от лица автора не наблюдается. В начале текста, названного **СЛОВО ѿ ПЯТЕРНИКА ѿ АДУЩИХЪ МНИСѢХЪ НА ТРАПЕЗѢ**, вводится глагол с модальной окраской в безличной форме простого будущего времени (**ПОДОБАЕТЪ ПРИСТУПИТИ**). Обязательность исполнения обозначенного действия (**ПРИСТУПИТИ**) усиливают: ссылка в контексте на автора наставления - старца, авторитетное лицо (**ПОВѢДАШЕ ЄДИНЪ ѿ СТАРЕЦЪ**); определенные обстоятельства (**Ѿ СТРАХОМЪ И ТРЕПЕТОМЪ И РАДОСТЮ ДУХОВНОЮ**).

Далее в тексте встречаются 2 случая использования синтетической формы императива: в обращении старца к Богу - форма 2 лица единственного числа с семантикой просьбы, мольбы (**ГОСПОДИ ИВИ МИ ТЯИНОУ СНИЮ**), в обращении апостола к читателям, слушателям (ученикам, последователям) - форма 2 лица множественного числа с семантикой призыва (**ЯЩЕ ЛИ ЧТО ТВОРИТЕ ВСЕ ВЪ СЛАВУ БОЖІЮ ТВОРИТЕ**).

В Слове встречается также 1 случай употребления аналитической формы императива, образованной сочетанием спрягаемой формы глагола в 3 лице единственного числа и частицы **ДА**, с семантикой пожелания автора читателям, слушателям; призыва к совместному действию (**ДА В НАСЪ ОКОНЧАЕТСЯ РЕЧЕНОЕ**). В финале фрагмента снова используется безличная форма глагола **ПОДОБАТИ** в простом будущем времени. Эта форма выражает обязательность исполнения действия для читателя, слушателя. Используемая здесь же форма глагола **ПОДОБАТИ** с частицей **НЕ** актуализирует семантику запрета: **НЕ ПОДОБАЕТЪ ЖЕ СИХЪ ПОМЫШЛЯТИ НО ПАЧЕ СЛАВИТИ БОГА И ПѢСНЬ ВСЫЛАТИ ДАВШЕМУ ВСЕ**.

Данный фрагмент, написанный в жанре Слова, хотя и содержит повествовательную часть, изначально по своей задаче является апеллятивным. В пользу этого утверждения говорят следующие факты. Во-первых, в пределах небольшого по объему текстового пространства задействованы 3 формы императива. Во-вторых, глагол с модальной окраской долженствования находится в сильных позициях текста (инициальной и финальной), как бы «закольцовывая» императивный назидательный смысл всего отрывка в целом.

СЛОВО ѿ ОУЗЦЪЯХЪ ПУТИ ВЕДУЩИЯ ВЪ ЖИЗНЬ И ѿ ШИРОЦЪЯХЪ ВЕДУЩИЯХЪ ВЪ МОУКОУ ВѢЧНОЮ делится на две противопоставленные друг другу композиционные части: 1) рассказ об узком пути, 2) рассказ о широком пути. Необходимо отметить, что эти части оказываются противопоставленными не только по содержанию, но и по употреблению грамматических форм, по модальной окраске, по степени императивного «настроения». Фрагмент открывается синтетической формой императива 2 лица множественного числа, выражающей призыв автора к братьям по вере и одновременно задающей императивный тон всему отрывку: **ПОДВИЗАИТЕСЯ БРАТІЕ ТѢСНЫЯХЪ ПОУСЪЯХЪ ПОНТИ ВВОДЩИЯ ВЪ ЖИЗНЬ**. Далее следует целый ряд инфинитивных форм, выступающих как наименования действий и имеющих модальную окраску долженствования: автор указывает читателю, слушателю, как должно себя вести, чтобы направить свою жизнь по «тесному пути», ведущему в Царство Небесное: **НЕ ОУПИВАТИСЯ, НЕ ѾКЛѢВѢТАТИ, НИ ЗАВИДѢТИ, НЕ ЛГАТИ, НЕ СВАРИТИСЯ, НЕ ѾКРАСТИ, НЕ ГНѢВАТИСЯ, НЕ ЛРИТИСЯ, НЕ ГОРДѢТИ, НЕ ВСЛИЧАТИСЯ, НИ ТЩЕСЛАВІЯ ХОТѢТИ, СМЕРЕННО И ѾКРЪЩЕНО СРДЦЕ ИМѢТИ, ПЛАКАТИСЯ ГРѢХОВЪ СВОИХЪ, ПЕЩИСЯ ѿ СВОЕЯХЪ СЛАБѢНИИ, ПАЧЕ ВСЯКОГО ЧЕЛОВѢКА СМЕРИТИСЯ, НЕ ЗАВИДѢТИ, И НЕ ѾБЖАТИ НИКОГО ЖЕ**. Последнее условие представляется наиболее значительным автору текста, так как на нем он акцентирует особое внимание, располагая наименование действия в финале инфинитивного ряда.

В качестве аргументации важности своих слов автор использует синтаксическую безличную конструкцию с семантическим оттенком обоснования: **ВСЕГО БО ЕСТЬ ЗАТѢ ИЖЕ НИТѢХ ОСУЖАТИ**. При этом говорящий ссылается на текст Писания, цитируя заповедь Христа. В рассматриваемом фрагменте встречается синтетическая форма императива 2 лица множественного числа со значением повеления Бога, призыва к чадам Христовым (**НЕ ОСУЖАЙТЕСЯ**), а также и синкретичная форма 3 лица множественного числа простого будущего, которая обозначает одновременно обоснование, обещание и долженствование: **И НЕ ОСУЖЕНИ БУДЕТЕСЯ**.

Во второй композиционной части фрагмента идет рассказ о «широком пути, ведущем в погибель». Здесь все инфинитивные формы исчезают, а вместо них используется ряд субстантивных наименований пороков: **НЕВѢРСТВО И ГОРДИНИ ВЕЛИЧАНИЕ И ТЩЕЛАВІЕ ЛѢНОСТЬ И ПИАНСТВО И ШЕЛДЕНІЕ БЛ҃Д И ЗАВИСТЬ КЛѢВЕТА И НЕПРАВДА РОПТАНИЕ И ХУЛА И ДОУШЕГОМѢНАА ШРОСТЬ И ГНѢВЪ**. Отсутствие глагольных форм *неслучайно*: в отличие от первой композиционной части здесь не могут быть использованы средства выражения призыва, автор предупреждает читателя об опасности «широкого пути» и называет пороки, как и принято в православной этике, *в отвлечении от возможного субъекта действия*. И лишь в конце ряда появляется инфинитивная конструкция, связывающая весь фрагмент воедино и являющаяся своеобразным переходом к нарастанию императивного тона во второй части: **ИЖЕ ОСУЖАТИ БЛИЖНАГО И СИМЪ ПРИЛАГАТИ ГРѢХЪ КЪ ГРѢХУ БЕЗАКОНІЕ КЪ БЕЗАКОНІЮ**.

Далее императивный тон становится еще отчетливее за счет использования лексического повтора, который уже напрямую отсылает нас к первой части: **ВСЕГО БО ЕСТЬ ЗАТѢ ИЖЕ НИТѢХ ОСУЖАТИ**. И наконец, императив «звучит» в полную силу - используются аналитические формы повелительного наклонения, образованные сочетанием спрягаемого глагола 3 лица единственного числа с частицей **ДЯ**, с семантикой пожелания автора к чадам Христовым, к которым он относит и самого себя: **ДЯ БЛАЖЕННОЕ СМІРЕНІЕ ПРЕБУДЕТЬ В НАСѢ И ДУХОВНОЕ СМІРЕНІЕ ПОКРЫЕТЪ НАСѢ**.

Древнерусский книжник прекрасно освоил жанр Пролога и органично соединил в этой книге повествование и назидание. От века к веку Пролог изменялся не только по составу и языковым особенностям, но и по общей, актуальной для своей эпохи, тональности, оставаясь подчиненным единой коммуникативной задаче – *воспитать граждан Третьего Рима, утвердить в них память о Небесном, указать путь к Вечности через пространство земного времени*.

Список литературы

1. Бубнов Н. Ю. Славяно-русские Прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274–296.
2. Кураев А. Протестантам о православии. Наследие Христа / Диакон Андрей Кураев. 9-е изд., перераб. и доп. Клин: Христианская жизнь, 2006. 669 с.
3. Лебедева И. Н. К истории древнерусского Пролога: повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога / И. Н. Лебедева // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 39–53.
4. Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 344 с.
5. Осипов А. И. Посмертная жизнь души. М.: Даниловский благовестник, 2005. 128 с.
6. Фет Е. А. Прологи в собрании Пушкинского Дома // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 357–361.

УДК 81'42

Татьяна Борисовна Оленева

Марийский государственный университет

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ[©]

Отечественные лингвисты, начиная с 1967 года, то есть с момента введения Ю. Кристевой термина *интертекстуальность*, широко пользуются данной дефиницией, когда речь идет об обозначении общего свойства текстов, выражающихся в наличии между ними связей, благодаря которым текст или их части могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Это своего рода *лингвосимбиоз*: «текст в тексте» или «текст о тексте». Причем, приводя теоретические выкладки, исследователи обращаются только к примерам из литературных источников XIX–XX вв., полностью игнорируя древнерусские памятники письменности, тем самым, отказывая древнерусскому писателю в использовании интертекста как своеобразной риторической фигуры.